ДВА ЧУДА ДЛЯ ЕЛКИ

Отец сидел в потертом кресле, подперши подушкой поясницу, и сурово, из-под бровей смотрел на меня.

– Мы в детстве знаешь в чем на елку ходили? Мы ходили в костюмах зайцев и волков всяких. Полный утренник зверья и Дед Мороз со Снегурочкой – идеально. А сейчас что? Все супергерои, хоть мир спасай. Ни одного порядочного персонажа, а мир по-прежнему в жопе. Толку от этих Бэтменов?

– Папа, ну звери тоже не слишком-то человеческие, – улыбалась я.

– Ну так они хоть существуют. А супергерои эти – курам на смех. Комбинезон, плащ и трусы. Вот мои документы. – Он бросил взгляд на жену, мою маму, которая старательно подшивала новогодний костюм для внучки.

Подготовка к Новому году шла полным ходом.

– Пап, – прервал разговор семилетний Виталик, мой младший брат.

– Говори, сынок.

– Я не хочу быть супергероем.

– Вот же мёд на мое сердце, иди обниму.

– Я хочу быть расческой.

– Чего? Какой расческой. Что за расческой?!

– Обычной. Массажной.

В глубине комнаты протяжно вздохнула мама, которой придется шить костюм расчески для любимого сына, потому что в нашей семье все носят то, что хотят…

Виталик невозмутимо смотрел на отца, отец, не мигая, смотрел на внучку, мою дочь, играющую у него в ногах, а я выжидала время, чтобы задать гвоздь-вопрос этого вечера: «Почему именно расческой?!»

Через мгновение я отказалась от этой мысли, потому что отец сам нашел исчерпывающий ответ:

– А знаешь, ты прав. Расческа – это вещь! – Отец поднял указательный палец вверх. – И пока эти бесполезные супергерои пляшут за конфетки, она людей людьми из обезьян делает.

– Это ж труд делает? – не удержалась я.

– Труд уже свое сделал, теперь дело за расческой.

В углу снова застонала мама.

Мы с дочкой, четырехлетней Людой, приехали к родителям на новогодние каникулы. Моя мечта сбылась – целая неделя в теплом, уютном загородном доме. Родительском доме, где ранние подъемы всегда не по будильнику, а по желанию, потому что за окном мороз и поздний красочный рассвет. Его хочется фотографировать, снимать на видео и выставлять в социальные сети. В сетях, конечно же, никто не оценит всей его прелести, зато у меня останется подтверждение существования этого момента и меня в нем. И как люди жили раньше без возможности делиться своим миром с окружающи-

ми? С окружающим миром, бесконечно сравнивая его разновидности.

Утро в этом доме пахнет вечной глазуньей и тостами. Глазунью ест папа, вот сколько его знаю, столько и ест. А тосты ест Виталик, он макает их в молоко и кусает, вытянув шею так, чтобы молоко не капнуло на брюки или скатерть. С сегодняшнего дня в доме запахло еще и богомерзкими шпикачками, которые едим на завтрак мы с Людой.

– Лена, не понимаю, как ты можешь это есть, еще и ребенка кормить, – каждое утро будет вздыхать мама.

А я буду пожимать плечами и, подражая ее интонации, сокрушаться над зависимостью от глутаматов и отсутствием мозгов в «красивой голове».

Голова у меня красивая и умная. И одинокая. В день рождения Люды муж спустился на этаж ниже и отметил праздник с новой соседкой, которая купила квартиру на первом этаже перед самым Новым годом. Своего рода чудо, вообще. Эта квартира долго не продавалась. А та девушка буквально мимо проходила. Мы познакомились с ней в новогоднюю ночь, во дворе. Она пила розовое вино прямо из горлышка и держала в руках палку-салют. Говорила, что отмечает в одиночестве, но выглядела она такой счастливой, что я тоже захотела праздника в одиночестве. Ну и пожалуйста, следующий Новый год отмечала одна, ну как одна, с полугодовалой Людой на руках. Я держала ее на коленях и старательно зажимала ей уши, чтобы ребенок не испугался грохочущих фейерверков.

Ну а последующие праздники мы с Людой уже отмечали у моих родителей.

Потому что: раз – я продала квартиру в том доме и вернулась в родной город, где жили мои родители, два – ребенок подрастал, и в частном доме ему можно было дать больше свободы – воздуха, прогулок, сугробов и бабушко-дедушкиной любви.

В этом году Люда впервые собиралась на утренник. Она изъявила желание быть елочной игрушкой, и бабушка с радостью принялась за заказ. Ее швейный стол всегда стоял в гостиной, потому что мама с папой редко закрывались друг от друга в разных комнатах. Она шила, а он читал, изредка они поглядывали друг на друга и улыбались. Тридцать лет вот так – глядели молча друг на друга из разных углов и улыбались.

Мама завалила пространство вокруг серебристым тюлем, лентами, блестками, стеклярусом и бисером. А я, наблюдая, как в ее руках искрится будущий костюм моей дочери, втайне мечтала тоже стать елочной игрушкой и надеть еще хотя бы разочек какой-нибудь новогодний наряд и пуститься в пляс вокруг елки, держа за руку медведей, зайцев и других сказочных персонажей.

Но отец прав, в мире не осталось персонажей из сказок. Сплошь псевдогерои, спасающие псевдомир. Мир, превратившийся в картинку в социальных сетях, ну, в крайнем случае, в пятнадцатисекундное видео. Видео, которое лично я предпочитала бы смотреть без звука. Потому что многие вокруг меня выглядят гораздо достойнее, чем звучат.

Виталий будет расческой – костюм уже утвердили на семейном совете, придумали, где взять «щетину» и как прицепить к затылку. А на животе я предложила сделать зеркало. Виталику идея понравилась.

– Ко мне все девчонки на утреннике будут подходить и разглядывать себя, – довольно заявил он.
– А тебе не рановато девчонок клеить? – улыбнулась я.
– Лена, не рановато. Надо практиковаться хорошенько, чтоб потом не попадать впросак, как теоретики.

Ух. Мама с папой посмотрели друг на друга, улыбнулись, потом глянули на нас и снова погрузились в свои дела. Мама – в расческу, папа – в финансовые документы своей компании.

– Ты даже под Новый год не даешь себе отдыха? – не удержалась я.
– Доча, кто, если не я?
– Сейчас принято делегировать. Даже курсы такие есть, представляешь?
– Сейчас курсы даже как посра… ой, в общем, как кофе попить есть. Это не значит, что надо за этим бредом следить. В моей компании все занимаются своими делами. А я – своими.
– Это правильно. – согласилась я. И согласилась совершенно искренне.
– А у тебя на работе что?
– Все хорошо. Уволилась. Ушла на фриланс пока. Деньги те же, свободы больше.

И это была правда. Мне стоило большого труда оставить офис и перейти на домашнюю работу. Нет, меня никто не заставлял, и коллектив абсолютно устраивал. Просто количество заказов на фрилансе росло, с ними рос доход, и я поняла, что надо решиться – либо туда, либо сюда. Иначе привет недосып, усталость и раздражительность.

Первую неделю дома я никак не могла собраться, сконцентрироваться и отвлекалась на посторонние дела. Мне вдруг захотелось все чистить, мыть, выкидывать хлам и перебирать старые вещи. Я дотягивала заказы до критической отметки – до

Она каждое утро подходит к коллекции, выбирает себе любимчика на сегодня, кладет в карман и ходит с ним до вечера. Вечером ставит на место, а утром выбирает нового.

дедлайна – и писала их потом ночами. Через неделю я поприветствовала тех самых «недосып, раздражительность и усталость», а заодно и серо-зеленое лицо, красные глаза и непрерывно колотящееся от кофе сердце.

Так я научилась планировать время, устроила себе уютное рабочее место, купила крутую кофеварку, перестала терпеть глупое прозвище, которым меня одарили коллеги – Елка, – и отдала Люду в детский сад. Раньше дочка сидела с няней.

– Интересно, а чего не говорила? – Видно было, что папа напрягся.

Его всегда мучило то, что он может не заметить, что мне нужна помощь. Зря, я считаю. Я всегда с проблемами шла именно к нему. И продолжаю идти.

– Да ты знаешь, я как-то внутренне не заметила особых перемен. То есть я как бы не уходила никуда и так же работаю – та же специальность, те же проблемы с «самыми умными» заказчиками. Я вообще сейчас только осознала, что не рассказала вам про увольнение.
– А, ну ладно. – Папа успокоился и снова уткнулся в бумаги.

Люда в это время напихивала в его тапочки игрушки из киндер-сюрпризов. Из тех яиц, что продавались в девяностых, – с крутыми игрушками и коллекциями. Я собирала их и выставляла на стеклянном столике в холле. Под полкой с маминой косметикой. Они так там и стоят до сих пор. Стоят и вызывают у Люды просто какие-то волны восторга и радости. Она каждое утро подходит к коллекции, выбирает себе любимчика на сегодня, кладет в карман и ходит с ним до вечера. Вечером ставит на место, а утром выбирает нового.

– Вся в мать, – каждое утро смеется мама.
– И мать в мать, – смеюсь я в ответ, а папа нарочито недобро хмурится, подыгрывая нам.

На утренник, который организовали в компании отца, мы пошли всей семьей. Тридцать первого числа в одиннадцать часов. Мне кажется, идеальное время для утренника. Дети с утра подготовленные, получившие мощный заряд сказки, раньше засыпают в новогоднюю ночь, а еще – дольше верят в Деда Мороза.

Почему-то потерять веру в Снегурочку не так страшно, как в него. Признаться, где-то глубоко внутри я и сейчас верю в Деда Мороза, ежегодно жду от него подарков, прекрасно понимая при этом, что приоритет всегда останется за детьми. А их много. Так много, что одаривать верящих дылд вроде меня накладно.

Но, помимо подарков, есть еще и чудеса, на которые, собственно, я и рассчитываю.

Отношения с чудесами у меня взаимные – они любят в моей жизни случаться, а я люблю их приветствовать и принимать от всей души. Даже последнюю пачку молока в магазине я считаю настоящим чудом. Ведь до другого магазина идти далеко, а Люда кашу на воде есть не будет. Или вот еще: разве не чудо, что все мои заказчики дисциплинированно отправили задачи заблаговременно, тем самым дав мне возможность выполнить всю работу до Нового года и уехать к родителям аж на целую неделю. Я бы и тут поработать могла, но расслабиться и ничего не делать намного приятнее. О'кей-о'кей, история с бывшим мужем не в счет… Но и тут есть место чуду. Если бы не все это, я так и осталась бы далеко от родителей, в городе, где мне было грустно, скучно и одиноко.

В общем, давайте чудеса! Я здесь, вся по-домашнему уютная и спокойная, готова к переменам, чудесам и новому году с его новым счастьем.

Конечно, так не интересно. Счастливые истории должны случаться с кем-то, кто переживает что-то страшное в жизни. Для них уготован Новый год и все его события. Для всех, кто заблудился, запутался в себе и в жизни, кто очерствел душой – для них Новый год и его рождественская история. Чтобы увидеть ангелов прошлого, настоящего и будущего – и переосмыслить свое существование. И право на него.

Для всех, кто с печалью смотрел на витрины с едой, кто считал гроши, надеясь найти в разодранном кармане хоть крошку, если не еще одну копеечку, – им чудеса нужнее. Им нужнее голливудские герои с пачкой денег в пакете из-под бургеров. Для

детей, которые засыпают с мыслями о родителях. Одни с мыслями, чтобы эти родители появились, а другие – с мыслями, чтобы уже имеющиеся папа с мамой их полюбили наконец и хоть один вечер не лупили почем зря.

Для них – чудеса.

А не для таких, как мы – счастливых и удовлетворенных своей жизнью. Сытых и любимых. Я даже мужчину не жду. Знаю, что однажды мы встретимся и все у нас будет хорошо. Смотреть в оба, подыскивать варианты – сейчас не хочу. А завтра будет видно.

И я с радостью отдам свое чудо тому, кому оно нужнее, втайне надеясь, что чудес хватит на всех. Что сама выдумала эту глупую дискриминацию по уровню счастья в крови. Сама стыжусь своего спокойствия, переживаю, что получила его незаслуженно в то время, пока другие получают оплеухи от жизни, сходят с ума или сводят с ума других.

Люда и Виталик, взявшись за руки, кружились вокруг пушистой искусственной елки, украшенной пластиковыми игрушками. Ее неправдоподобно зеленые «лапы» не опускались под тяжестью украшений, потому что пластик легче стекла. Это дома елка – благополучная. Украшенная игрушками со всего мира. Шоколадницей из небольшого швейцарского городка – в пышной юбке, развратно румяным лицом и горячим шоколадом на подносе. Исконно немецким хлопчиком, который, почему-то как брат, похож на швейцарскую деву. Запорошенные снегом избушки, младенцы, персонажи из любимых мультфильмов. Дома на нашей елке можно встретить сразу четыре поколения семьи и половину мира.

А здесь – пластиковое чудо в перьях, которое заслуживает своего маленького чуда.

Я вышла из здания и направилась в сторону торгового центра. У входа, как обычно, в последний день уходящего года гремела ярмарка. Среди множества пластиковых игрушек я наконец-то нашла набор – серебристые шарики и сосульки – шесть штук в наборе. Они стоили как десять коробок пластиковых, совершенно похожих на них. Они стоили намного больше, чем стоили.

Я вернулась на утренник и тихонько подошла к елке, чтобы украсить ее новыми шарами, папа покрутил у виска и одобрительно улыбнулся.

Моя дочь в костюме только что купленной мною елочной игрушки рассказывала Деду Морозу стишок. Только рассказывала на ухо и активно жестикулировала при этом. Не удивлюсь, если старик подарит ей сразу две конфеты, а не одну. И правда, Люда получила две конфеты из кармана Деда Мороза, куклу из мешка и сладкий набор в виде пряничного домика, взвизгнула, подпрыгнула и помчалась ко мне, с трудом удерживая все это добро, но не сбавляя скорость. Добежав до меня, она сунула одну конфету мне в карман, а вторую протянула и сказала:

– Мама, повесь ее на елку. А то ведь у нее *рота* нет, но конфетки и она любит.

И убежала.

Я повесила на елку ее личное второе за сегодня чудо и пошла искать Люду с Виталиком, чтобы собрать в обратный путь.

МАШКА

Пути, говорят, неисповедимы. И один такой я решила сократить или, как говорят, срезать через дворы, чтобы быстрее добраться к месту назначения.

– Тихо! Машка Иисуса рожает! – услышала я голос и обернулась.

– Что?! Опять?!

Две старушки в одинаковых серых пуховиках и в лохматых шерстяных платках поверх шапок стояли под окном первого этажа и старательно, но так, чтобы их не было заметно из квартиры, прислушивались к происходящему за стеклом. Даже на цыпочки приподнимались.

Не знаю, кто бы на моем месте поступил иначе, но я подошла к старушкам и шепнула:

– Что происходит?

– Подожди, дослушаем – потом расскажем, – шикнула на меня та, что полюбопытнее.

Вторая выглядела уставшей, видимо, действо и вправду было им уже не в новинку.

Она внимательно посмотрела на меня и спросила, прищурившись:

– А ты кто такая?

– Я в семьдесят второй дом иду. Квартиру купить хочу. В этом районе. Вот иду смотреть, – зачем-то отчиталась я.

– Вот и иди себе. Сюда заходи, в этот подъезд. – Старушка ласково пихнула меня в плечо и показала, куда идти. – Там Светка наша, Света Леонидна… Квартиру продает. Чего далеко ходить? В семьствтором алкаши одни живут.

Бабулька потеряла ко мне интерес, а я, словно под гипнозом, зашла в подъезд, поднялась на первый этаж и, под крики рожающей Иисуса Машки, нажала на звонок у двери своей будущей квартиры.

* * *

Светлана Леонидовна оказалась статной, я бы даже сказала, величавой пенсионеркой. Ну, не без лохматого платка на вешалке в коридоре, конечно же. Она радушно, словно и не удивилась вовсе, пригласила меня на кухню, где «вот-вот чайник подойдет». Чайник подошел как раз к тому времени, когда я уже без верхней одежды и с вымытыми лавандовым мылом руками вошла на кухню.

Старушка… Хотя, наверное, лучше ее называть «пожилая женщина», выставила на стол белоснежный фарфоровый чайник с синим корабликом, дрейфующим по волнам, две чашки из того же сервиза, розетку с вареньем и печенье.

– Знаете, я думала, квартиру выбирают как-то по-другому, – хихикнула я.

– Это другие по-другому выбирают. А я тебе свое намоленное место продаю, надо познакомиться. – Она протянула мне маленькую мельхиоровую

ложку и тяжело опустилась на стул. – Меня внуки в деревню забирают. Вот ведь как бывает. Не старики внуков в деревню на лето или навсегда ждут, а наоборот. У меня двое их – внук и внучка. Продали все и в фермеры подались. Там, я тебе скажу, целая плантация. Любая донна Роза позавидует.

– А вы сами-то хотите?

– Хочу, конечно. Оно на земле всегда хорошо. Внуки под боком, правнуков мне выдадут на попечение и в свои поля пойдут. Чем плохо?

– У них и продукты свои небось. Чистые, – где-то даже глубоко в душе позавидовала я Светлане Леонидовне.

– Конечно, милая. Молоко, мясо, овощи. Соседи фрукты выращивают, клубника круглый год есть. Вот они и сказали: «Поехали, бабушка, к нам навсегда. Чего в городе выхлопами дышать». Еще знаешь, внук Артемий – такую бороду отрастил, рубашки в клетку носит – ну прям артист из сериала. А внучка – сестра-близнец его. Алиса – она и постройнела там, и окрепла так характером. Ух!

Светлана Леонидовна легко перескакивала с описания быта внуков на историю их родителей, потом возвращалась к квартире, буквально на пару слов. Затем пододвигала ко мне розетку с вареньем и обязательно уточняла, какого года малина и кто «своими собственными» руками ее собирал.

Рассказы были настолько занятными, что я забыла о Машке и ее родах, списав все происходящее на совпадение имен. О кошке небось речь шла, а я и прицепилась.

– Что? – Такое ощущение, что я пропустила нечто важное.

Светлана Леонидовна уставилась на меня и выжидала ответа.

– Нравится квартира-то?

– Квартира, в которой подают такое чудо-варенье, не может не нравиться. – Самое интересное, что я даже не знала в тот момент, сколько комнат в квартире, каковы площадь и планировка, требуется ли ей ремонт…

– Ну так и бери.

Ну так и взяла. Нам потребовалось не больше месяца на улаживание всех бюрократических проволочек. И уже в середине декабря я въехала в свои пустые настоящие, но полные будущего апартаменты. Двухкомнатные.

Про Машку я узнала уже после заезда. Ближе к двадцатым числам декабря. Ею оказалась не кошка, а соседка через стенку.

Последний раз Машка показывалась соседям на глаза много лет назад. Тогда еще молодая, счастливая, полная сил и планов на будущее, она стрекозой пропевала лучшие годы своей жизни и меняла мужчин, что в то время вызывало массу пересудов.

Однажды Маша пропала на три месяца, а вернувшись, заперлась дома. Те соседи, что умудрились заметить ее возвращение, говорили, что вернулась девушка вся изуродованная. Ходили слухи, что Машу тогда увезли на дачу какие-то мерзавцы и долго издевались.

С тех пор Маша ни разу не вышла из квартиры, в которой окна навсегда завесили темными плотными шторами, двери открывали только по большой необходимости, а позднее для «особых» гостей. А еще из квартиры раздавались стоны, крики и странные запахи. Я сумела испытать все эти прелести соседства с Машей буквально в первые дни после заселения.

Маша вроде как после тех событий поехала кукушечкой, прости господи, и решила, что она та самая Мария, осознавшая весь ужас своего распутства и бесполезного существования, пришедшая к просветлению и готовности быть полезной этому миру. Черному, завязшему в пороках миру.

Маша решила, что она родит Иисуса. Кстати да, у девушки была мама, которая всячески поддерживала ее в этом решении и процессе.

Через некоторое время в квартиру Марии и ее матери начали ходить женщины в серых одеяниях, они крестились перед входом и юркали в приоткрывшуюся дверь. Эти гости приносили продукты, одежду, деньги, как я понимаю, потому что пару раз случались скандалы с перепуганными и возмущенными родственниками. Как мне рассказали, женщины переписывали на Марию свое имущество.

Честно говоря, я испугалась такого соседства. И чего мне в семьдесят второй дом не шлось? Зачем я путь сократить решила? Я с опаской поглядывала на темные окна соседей, когда возвращалась домой, и вздрагивала, когда слышала, что их дверь открывается, приветствуя новых верующих. Мама дорогая, двадцать первый век, а люди с ума сходят!

Рожала Машка без какой-либо системы. Я могла услышать приглушенные стоны и обрядовые песни днем, они могли разбудить меня ночью – стены-то картонные. Гости приходили уже после события – приходили славить малыша. Вот не знаю, какая женщина согласится из года в года, изо дня в день проходить все ужасы родов, – а я как-то отправилась с сестрой на партнерские, знаю, о чем говорю. Тут даже имитировать страшно.

– Да ты не вдавайся. Они в подъезде не гадят, как Василий-алкаш с третьего. И не курят. Та и ладно, пусть живут. Никому плохо не делают. Даже себе, – ответила как-то одна из тех самых судьбоносных старушек.

И я успокоилась. Главное ведь, чтобы человек не делал плохо себе, тогда и другим не достанется. И если Машка видит свое спасение в родах спасителя для всего остального мира, то разве ж можно ее в этом упрекнуть? Она не себя спасает. Она спасает тех, кто сделал плохо ей самой. Спасает через веру и уход от реальности. Надеюсь, она действительно хорошо себя чувствует, находясь в этом теле и в этом состоянии души.

Иногда дверь в квартиру все же открывалась. По ночам. Я тогда возвращалась с вечеринки и, поднявшись на наш пролет, вздрогнула. Дверь открыта, в конце длинного темного коридора висела лампада со свечкой, а рядом стояла тучная женщина в платке. Я не видела ее лица, я видела только уходящий в вечность длинный коридор. Уже потом я поняла, что сбоку и позади лампады висели зеркала. Женщина в платке стояла не шелохнувшись, и я не разобралась спиной ли, лицом ли…

* * *

– Эй, артистка!

Я часто виделась с двумя старушками. Они одевались потеплее и прогуливались по заснеженному двору, прерываясь лишь на обеденный сон и вечернее чаепитие.

– Да? Здравствуйте! – ответила я.
– Здравствуйте-здравствуйте. Ты домой идешь?

Я кивнула.

– На тогда, возьми. – Старушка протянула мне пакет. – Поставь у Машкиной двери. А то самой тяжело тащить. Помоги уж.
– Конечно! Поставить просто? Или постучать еще?
– Просто поставь. Они всегда видят. И всё. – Она махнула рукой и пошла в другую сторону.

В пакете были апельсины, конфеты и бутылка шампанского. Снизу лежало что-то еще, но копаться мне было неудобно. Я поставила пакет у двери, стараясь погромче им шуршать, когда устраивала поудобнее, и ушла к себе. Закрыв дверь, я примкнула к глазку, однако увидела только руку, которая змейкой юркнула, схватила пакет и втащила его внутрь.

Я внимательно оглядела содержимое своих шкафчиков и холодильника, достала пачку печенья, компот, который прислала мама к Новому году, сложила все в самый шуршащий пакет из всех, что были дома, и отнесла к двери Машки.

Вернувшись домой, я поняла, что обычной тревоги нет и ощущение «не-в-своей-тарелке» прошло. Полупустые комнаты не вызывали раздражения, а старые обои не хотелось яростно сдирать до обломанных под корень ногтей. Мне нравились бра, оставшиеся от хозяйки. Нравились пузатые выключатели с язычком. С язычком и щелчком. Нравился вид за окном – заснеженная просторная улица. Второстепенная дорога и именно поэтому не слишком шумная. Эту дорогу даже чистили не каждую неделю, она была покрыта серым, кружевным от автомобильных шин узором. Я знала, что там, на местами белой поверхности, есть маленькие бежевые пятнышки, которые с детства вызывали у меня интерес. А самое интересное, что именно такая поверхность была скользкой и гладкой, своими бежевыми пятнами (автомобильные масла?) призывала нас, ребятню, на веселые покатушки. Главное, чтобы родители не поймали нас на этом деле.

Я глянула на зеленое платье, которое приготовила к празднику, на оливье, которое порубила к столу (мы с друзьями договорились, что каждый принесет с собой что-то вкусненькое и бутылку того, что пьет сам), на свой новый маникюр, укладку, которую сделала вот буквально час назад в салоне. Чтобы сделать ее, я записалась в салон три месяца назад. Я разглядывала себя, квартиру, продукты, удостоверилась, что красная икра на месте, а гирлянда на елке горит по требованию… и осталась дома.

Ровно в полночь я стояла в кромешной темноте, глядела в окно, пытаясь насытиться счастьем, надеждами и радостью людей, встречающих новый год своей жизни.

Я улыбалась под стоны Машки, рожающей своего очередного Иисуса, и славила новый год, чокаясь бокалом, полным розового игристого, с уютным стеклянно-деревянным окном своего нового дома.